

В китайской национальной культуре есть образы животных, которые играют важную роль в становлении и развитии национального сознания, преемственности культурных традиций. Первое место по праву принадлежит дракону. Его образ, издавнеле почитаемый в Китае, до сих пор остается главным национальным символом страны, и сами китайцы называют себя «потомками дракона». Нас образ дракона интересует не только как символ китайской цивилизации, но и как один из важнейших архетипов культуры в целом. «Синкретический облик дракона тысячелетиями волновал воображение людей. Он известен и создателям древнейших цивилизаций, и эскимосам, не знавшим классового общества, и современным развитым народам. Распространение мифа о драконе столь универсально, что известный швейцарский психиатр и историк религии К. Г. Юнг отнес дракона к системе архетипов человечества – наследственно передающихся схем, эмоционально окрашенных, но априорно формирующих представления»¹ [1, с. 59].

Свое исследование мы начинаем с одного из древнейших памятников китайской письменности «Шаньхайцзин» (《山海经》, «Каталог гор и морей»; окончательное оформление IV–III вв. до н.э.) [3]. Важность этого анонимного текста трудно переоценить. «Каталог» стал настоящей энциклопедией по географии, ландшафтоведению, флоре, фауне, минералогии, этнографии, космологии, медицине. Для нас книга представляет интерес как источник данных по мифологии и древнейшим верованиям. Как отмечает переводчик и комментатор Э. М. Яншина, мифологическая традиция зафиксирована в «Каталоге» в виде лапидарных фрагментов мифов, в которых иногда содержится костяк какого-то сюжета, а иногда упоминается только отдельный мотив мифа или имеется намек на его тему, в целом ряде случаев дается просто перечень имен героев или их деяний. Однако и подобный свод мифологии для древнекитайской литературы – редкость. И ученые правы, считая «Каталог» сокровищницей мифологии [3, с. 23]. Данные «Каталога» свидетельствуют о значении образа дракона для древнекитайской модели мира. В облике дракона выступают многие персонажи «Каталога»: об этом мы можем заключить по имени персонажа или по его описанию.

Один из интереснейших образов памятника – *Чжуинь* (燭陰), о котором здесь написано: «Имя бога Горы-Колокол – Освещающий Тьму (Чжуинь). Когда смотрит – наступает день, закрывает глаза – опускается ночь. Выдохнет – наступает зима, вдохнет – начинается лето. Не пьет, не ест, не дышит. А если вздохнет – поднимется ветер. Тело его длиной в тысячу ли, обитает к востоку от царства Безруких. Это животное с человеческой головой, змеиным туловищем красного цвета. Живет у подножия Горы-Колокол [3, с. 99]. Чжуинь (Освещающий Тьму) также именуется Чжулуном (燭龍, в переводе

¹ Рассуждения по этому поводу К. Г. Юнга см., например: [2].

Э. М. Яншиной – Дракон-Светильник): «Дракон-Светильник обитает к северу от Гусиных ворот и достает до горы Вэйюй, где не видно солнца. У этого бога человеческое лицо и туловище дракона, но нет ног» [3, с. 126]. Это образ космогонический, так как проводится параллель между его обликом и природными изменениями, что находит отражение уже в наименованиях персонажа *Чжуинь* и *Чжулун*. Знак 燭 *чжу* может выступать в роли ёгена или тайгена в зависимости от занимаемого положения: ‘свеча’, ‘сиять’, ‘озарять’, ‘яркий’ [4]. В имени *Чжулун* знак 龍 *лун* (дракон) является актуализатором, а 燭 *чжу* – модификатором¹ и, таким образом, называет «сияющего», «освещающего» или «несущего свечу» дракона. В имени *Чжуинь* 燭 *чжу* предшествует иероглифу 陰 *инь*, который обозначает как обычную тьму, так и женский принцип *Инь*, противопоставленный принципу *Ян*. Таким образом, имя может трактоваться как ‘Освещающий Тьму’. Если это имя свидетельствует только о роли персонажа, то наименование *Чжулун* прямо указывает и на драконий облик божества. Это одно из зооморфных божеств, связанных с ранней мифологической космогонией. Его можно сравнить с образом Паньгу. Паньгу (盤古 *пань* – ‘блюдо’, *гу* – ‘древность’, букв.: ‘Свернувшаяся в кольцо древность’) является первопредком, возникшим в первоначальном, подобном содержимому куриного яйца, хаосе. После разделения земли и неба Паньгу умер, но части его тела дали начало всем явлениям и предметам мира. Дыхание Паньгу стало ветром и облаками, голос – громом, левый глаз – солнцем, правый – луною, четыре конечности и пять частей тела – четырьмя пределами земли (четырьмя сторонами света) и пятью священными горами, кровь – реками, жилы и вены – дорогами на земле, плоть – почвой на полях, волосы на голове и усы – созвездиями, растительность на теле – травами и деревьями, зубы и кости – золотом и камнями, костный мозг – жемчугом и нефритом, пот – дождем и росой» [6, с. 41–42]. В основе этих представлений лежит концепция о единстве макро- и микрокосма. В образах Чжулуна и Паньгу, их изменениях, отражены архаические взгляды на модель космогенеза.

Драконы-луны, согласно «Каталогу гор и морей», выступают и в роли прародителей, например, о первопредках Сяньлуне и Лунмине говорится следующее: «Отец Старшего дяди Лучника (Бои) родил Западный Священный Пик (Синое). Западный Священный Пик родил Прездорожденного дракона (Сяньлун). Прездорожденный дракон родил народы Ди и Цян. Ди и Цян принадлежат к роду Ци» [3, с. 128]; «В Великой пустыне находится гора под названием гора Отца Юна (Юнфу). Здесь кончается река Шунь. Там обитают люди, которые зовутся Собаки-воины (Цюаньжун). Желтый Предок родил дракона Мао. Дракон Мао родил Юньбу. Юньбу родил Лунмина. Лунмин родил Белую собаку. Белая собака была двуполой. От нее и пошли Собаки-воины. Они питаются мясом. У них водится красное животное, похожее на коня, но без головы. Зовется Труп Жунского вождя Сюаня» [3, с. 125].

¹ Термины комбинаторной лингвистики. Определение номинативной единицы как устойчивой последовательности знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой знак (актуализатор), сформулировал А. Н. Гордей [5].

Информация, к сожалению, очень краткая. Реально существующие народности *ди* и *цянь*, населяющие Шэньси, Ганьсу, Сычуань и Цинхай, действительно, ведут происхождение от Сяньлуна. *Ди* – земледельческие племена предгорий нынешних провинций Шэньси, Ганьсу и Сычуань. По поводу их происхождения мнения ученых расходятся: одни исследователи ассоциируют их с жунами и считают монголоидами, другие – относят ди к народам тибето-бирманской группы. Со временем часть ди переместилась на север, часть перемешалась с цянями – народом, близкородственный тибетцам. Первые упоминания о цянях найдены на гадательных костях и датируются 1-м тыс. до н.э. Однако непосредственно соотносить древних цянь с современными нельзя, так как первые, видимо, являются предками всех или почти всех тибето-бирманских народов. Гадательные надписи упоминают, что цяни были владельцами лошадей и участвовали в королевской охоте; в то же время они были союзниками Чжоу, враждовали с Шан, становились рабами и приносились в жертву. Современные цяни живут в основном в провинции Сычуань, а также – Ганьсу и Цинхай.

Упомянутые во фрагменте «Каталога» цюаньжуны – древнее племя, одно из ответвлений жунов – кочевых народов, соседствующих с Древним Китаем на севере и западе до династии Цинь. Название цюаньжуны с китайского буквально переводится как ‘собаки-жуны’. Жуны и ди причиняли немало бедствий жителям древнего Китая, возможно, поэтому их называли *цюаньжуны*, то есть «собачьи жуны», «собачье племя».

Яньлун является прародителем, но не идентифицировано, какого племени, так как Веселящийся дракон известен только по записям «Каталога»: «В царстве Правящих тьмой Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Веселящегося дракона (Яньлун). Веселящийся дракон родил Правящего тьмой. Правящий тьмой родил страну Дум, где мужи не женятся, а жены не выходят замуж. Едят клейкое просо, едят мясо зверей, приручают четырех птиц. Там есть гора Большого холма (Даэ)» [3, с. 111]. Веселящийся дракон изобрел лютию и гусли [3, с. 129].

Связь с водой, особенно важной для земледельческих народов, прослеживается в образе **Инлуна**. Имя этого мифологического существа состоит из знаков 應 *ин* – ‘отвечать’ и 龍 *лун* ‘дракон’ и означает ‘Отзывчивый дракон’ / ‘Отвечающий дракон’. Инлун умел собирать и накапливать воду, повелевал дождями. В важном событии мифологической истории китайцев – сражении Хуанди с Чию – Инлун выступал на стороне Желтого императора, помог уничтожить братьев Чию, но исчерпал свои силы и не смог подняться на небо. «(Откликающийся дракон) обитает в Южном пределе, убил Чию и Отца Цветущего – Куафу. Дракон не смог вновь подняться наверх (на небо), поэтому на земле начались засухи. Когда наступает засуха, принимают образ Откликающегося дракона, чтобы вызвать сильный дождь» [3, с. 114]. Этот этиологический миф поясняет происхождение обряда, дожившего до нового времени, – призывать Инлуна во время засухи.

Важным образом китайской мифологии, участником различных мифов и отцом первопредка Фуси является Бог Грома. В рассматриваемом тексте он

выступает под именем *Лэйгун* (雷公, 'Господин / Повелитель грома'). «В Громовом озере живет Бог Грома. У него туловище дракона и человеческая голова. Бьет по своему животу. Он обитает на западе У» [3, с. 198]. В других памятниках он известен как *Лэйшэнь* (雷神, 'Громовое животное'). В данном фрагменте «Каталога» закрепляется один из древнейших пластов мифологических представлений – образ раннеанимистического божества природы, что выражено в слитности со «своей» стихией, зооморфизме, тератоморфизме, конкретно-образной форме воплощения стихий природы [3, с. 198]. Все эти черты контрастируют с более поздними представлениями, в которых божество грома мыслится антропоморфным «делателем», а не носителем грома, или с еще более поздними, когда гром представляется орудием в руках верховного божества. С Лэйгуном также имеет непосредственную связь антропогонический миф о брате и сестре, которые после спасения от потопа в тыкве-горлянке, выращенной из зуба Лэйгуна, дали жизнь новым народам [6, с. 46–51]. Его особенно почитали, поскольку крылатый бог помогал людям вырастить хороший урожай: вызывал дождь в засуху или прекращал его, если было слишком сыро.

Богом реки Чжан называется *Цзимэн*: «Еще через сто тридцать ли к востоку оказывается гора под названием Светящаяся. На ее вершине обилие лазоревого камня, у ее подножия много деревьев. Здесь жилище бога Цзимэн. У него человеческое туловище и голова дракона. Он имеет обыкновение резвиться в водвороте реки Чжан. Когда появляется или исчезает, поднимается ураганный ветер и сильный ливень» [3, с. 80]. Образ духа реки имеет параллели с образом Чжулуна. Образ Цзимэна является явным примером анимистических представлений китайцев.

Пожалуй, самые архаичные представления нашли отражение в описании раннеанимистических образов духов «Каталога гор» с чертами дракона: «От Ивы-горы до горы Черной У семнадцать гор. У всех духов драконьи туловища и головы птиц» [3, с. 32]; «в каталоге Южных гор четырнадцать вершин, все духи с туловищем дракона и лицом человека» [3, с. 33]; «в каталоге Восточных гор двенадцать вершин и у всех духов человеческие туловища и драконьи головы» [3, с. 62]; «в горах Дунтин пятнадцать гор, у всех духов птичьи туловища и головы дракона» [3, с. 93] и т.д.

Многие боги восседают на драконах: «За Юго-западным морем живет человек, в уши которого продеты две зеленые змеи. Он ездит на двух драконах и зовется Сяский владыка Открывающий» [3, с. 122]; бог Востока – Гоуман, с птичьим туловищем и человеческим лицом, восседают на двух драконах [3, с. 102]; бог Запада Жушоу, с левого уха его свисает змея, восседают на двух драконах [3, с. 98]. Можно предположить, что в образах «ездовых» животных сохранились первоначальные черты самих героев.

В «Каталоге гор и морей» содержится архаическая традиция олицетворения явлений природы и божеств в зооморфном облике, часто не обладающих индивидуальными чертами. Данные памятника позволяют сделать вывод о том, что образ дракона является древнейшим и наиболее важным в модели мира древних китайцев. Большинство персонажей имеют облик дракона или драконьи черты. Реликты драконьей природы могут сохраняться в образе

«ездового» животного, в имени героя. Книга предоставляет свидетельства об истоках и эволюции образа, ставшего для китайцев «символом нации».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чеснов Я. В.* Дракон : метафора внешнего мира / Я. В. Чеснов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. – М. : Наука, 1986. – С. 59–72.
2. *Юнг, К. Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы / К. Г. Юнг. – СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. – 415 с.
3. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. – М. : Наука, 1977. – 235 с.
4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=>). – Дата доступа: 13.10.2019.
5. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : Л. В. Рычкова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
6. *Юань, Кэ.* Мифы Древнего Китая / Юань Кэ. – М. : Наука, 1965. – 496 с.